

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ У АРИСТОТЕЛЯ

ВЛ. В КАРАКУЛАКОВ

(Москва)

I

Из терминов, которые в дальнейшем стали служить для обозначения частей речи, наиболее древним является *ὄνομα* (имя). Он встречается уже у Парменида¹ и пифагорейцев², он знаком Демокриту³ и Протагору⁴. Объясняется это тем, что первой языковой проблемой, вставшей перед греческой философской мыслью, была проблема связи между «именем» и его предметным значением. Термин *ὄνομα* служил для наименования слов, имеющих предметное значение, в первую очередь существительных (в именительном падеже единственного числа). Несколько позже появляется термин *ῥῆμα* (реченис, глагол). Впервые он встречается у Демокрита⁵ и, по всей вероятности, был знаком и Протагору⁶. Однако трудно сказать, что именно разуме­лось ими под этим термином. Термины *σύνδεσμος* (союз) и *ἄρθρον* (член) появляются у современников Аристотеля: у Исократ⁷ и в *Риторике* Анаксимена⁸.

У Платона термин *ὄνομα* употребляется в его традиционном значении; следует лишь отметить, что в качестве *ὄνομα* выступает не только существительное в именительном падеже, но также инфинитив глагола⁹ и причастные формы¹⁰. Что касается термина *ῥῆμα*, то первоначально он служит у Платона для наименования элементов предложения, отличных от *ὄνομα*; так в каче-

¹ Parm., fr. 8₃₈₋₄₁ D.

² Iamblich *De vita Pythagorica liber* (ex rec. A. Nauck), Petropoli, 1884, стр. 60.

³ Diog. Laert., IX, 48.

⁴ Aristot., *Rhet.*, III, 5.

⁵ Diog. Laert., IX, 48.

⁶ *Ibidem*, IX, 53—54.

⁷ Isocr., *τέχνη* fr. 6.

⁸ *Rhet. ad Alex.*, с. 25.

⁹ *Cratyl.*, 414 B, 424 A.

¹⁰ *Ibidem*, 421 с; *Soph.*, 237 с.

стве ῥῆμα может выступать сочетание слов, на которые этимолог разлагает «имя» (Δίφιλος из Διὶ φίλος),¹ а также любое слово, не имеющее предметного значения, в частности, местоимения.²

Терминологическое значение ὄνομα и ῥῆμα приобретают у позднего Платона, в *Софисте*, где они выступают в качестве наименования составных элементов суждения, субъекта и предиката.³ ῥῆμα определяется как обозначение действия τὸ μὲν ἐπὶ ταῖς πράξεσιν ὃν δῆλωμα που λέγομεν, ὄνομα — как обозначение того, кто совершает это действие (τὸ δὲ γ' ἐπ' αὐτοῖς τοῖς ἐχείνας πράττουσι σημεῖον τῆς φωνῆς ἐπιτεθὲν ὄνομα). Это, видимо, и послужило Диогену Лаэртию основанием для утверждения, что Платон первый исследовал возможности грамматики «πρῶτος ἐθεώρησε τῆς γραμματικῆς τὴν δύναμιν».⁴

II

Первая попытка дать систематическую классификацию «частей речи», исходя при этом из языковых критериев, принадлежит Аристотелю, который в 20-й главе *Поэтики* перечисляет «части словесного изложения» (μέρη τῆς λέξεως). Однако принцип, лежащий в основе этой классификации слов, остается до конца невыясненным, и вопрос этот продолжает привлекать внимание специалистов; этим объясняется, что за последнее двадцатилетие можно отметить, по крайней мере, четыре серьезных исследования, посвященные специально этой проблеме.⁵ Вопросу о «частях речи» посвящены и первые главы трактата Аристотеля *Об истолковании*; однако не следует упускать из вида, что в данном случае речь идет о членах «предложения» (λόγος), рассматриваемого как словесное оформление суждения.

В исторических очерках, открывающих во многих античных трактатах раздел о частях речи, Аристотелю приписывается установление то трех, то двух частей речи. Так, Дионисий Галикарнасский утверждает, что Теодект⁶ и Аристотель насчитывали три «первичные части» словесного изложения: имена, глаголы и союзы; до четырех частей речи продвинулись лишь стоики, «отделив от союзов члены»⁷. Подобное утверждение содержится и у Квинтиллиана.⁸ А Симплиций (со ссылкой на Порфирия) утверждает, что о члене, как о «части словесного изложения», говорится у Теофраста и у οἱ περὶ αὐτόν⁹. В других же источниках, более поздних, в лондонских схолиях к § 11 грам-

¹ *Cratyl.*, 399 A—C, 421 B.

² *Soph.*, 237 D, Tim. 49 E.

³ *Soph.*, 261 D—262 D.

⁴ *Diog. Laert.*, III, 25.

⁵ И. М. Тронский, *Учение о частях речи у Аристотеля*. Ученые записки Ленинградского университета, № 63, серия филологических наук, вып. 7, 1941 г., стр. 20—36; G. Scarpata, *Il discorso e le sue parti in Aristotele*, Milano, 1950; A. Pagliaro, *Il capitolo linguistico della „Poetica“ di Aristotele*, in *Ricerche linguistiche*, III, Roma, 1954, стр. 1—55; C. Galavotti, *Il syndesmos in Aristotele*, in *La parola del passato*, fasc. XXXVII, Napoli, 1954, стр. 241—255.

⁶ Имеется в виду, несомненно Θεοδέκτετα, изданная Аристотелем *Реторика* Теодекта.

⁷ *De comp. verb.*, 2; ср. *De Demosth. praest.*, 48.

⁸ *Inst. orat.*, I, 4, 18.

⁹ *Simplic.*, *In Aristot. Categ.*, p. 10, 24 Kalbfleisch (Comm. in Arist. Graeca, VII, Berlin, 1907).

матики Дионисия Фракийского¹, у Присциана² и ряда других римских грамматиков содержится указание, что Аристотелю были известны только две « части речи »: имя и глагол. Как отмечает Тронский, совпадение лондонских схолиев к Дионисию с изложением Присциана свидетельствует о том, что их источником был Апполоний Дискол.³ Вряд ли можно усмотреть принципиальное противоречие между упомянутыми двумя группами источников, так как у Присциана ясно сказано, что помимо имени и глагола, « диалектики » признавали наличие и других частей речи, которые они называли « получающими смысл только вместе с другим словом » (*consignificantia*).⁴

Однако все эти сведения находятся в противоречии с двадцатой главой *Поэтики*, где перечисляются восемь « частей словесного изложения ». Основной причиной, приведшей к возникновению этого противоречия, является, по всей вероятности, то обстоятельство, что *Поэтика* была неизвестна Дионисию Галикарнасскому и другим грамматикам этого периода. История сохранения произведений Аристотеля, которые до I века до н.э. пролежали в подземном хранилище, дает достаточные основания для такого предположения; это подтверждается и тем, что *Поэтика* Аристотеля ни разу не упоминается Дионисием. К тому же, не следует забывать и того, что позднейшие грамматик в вопросе о классификации частей речи подходили к своим предшественникам исходя из своих собственных критериев классификации и отмечая то, что не укладывалось в эти рамки; различия между принципами и задачами классификации слов у Аристотеля, стоиков и александрийских грамматиков остаются как бы незамеченными, и возникает искажающая действительное положение вещей картина некоего постепенного развития учения о частях речи, исходящего на всех своих этапах из одних и тех же критериев.

III

В настоящее время подлинность двадцатой главы *Поэтики*, за крайне редкими исключениями, признается всеми исследователями Аристотеля; однако в свое время издателю *Поэтики* Риттеру, а за ним и некоторым другим (Герке, Бутчеру, Сэндису), глава эта представлялась не связанной с контекстом, в связи с чем они были расположены рассматривать ее как интерполяцию и приписывать ее авторство какому-нибудь более позднему грамматiku.

Аргументы в пользу подлинности этой главы оказываются куда более убедительными, чем соображения в пользу позднейшей интерполяции. Действительно, она составляет как бы единое целое с последующими двумя главами, подлинность которых, вообще, не может быть подвергнута сомнению, поскольку они явно перекликаются с *Риторикой* Аристотеля; аргументом против ее подлинности не может служить и то, что она является слишком « тех-

¹ *Gramm. Graeci*, I, 3, p.p. 515—521, Hilgard.

² *Gramm. Latini*, II, p. 54 Keil.

³ И. М. Тронский, ук. соч., стр. 21.

⁴ *Gramm. Latini*, II, p. 54 Keil.

нической»: не следует забывать, что потребность комментирования произведений художественной литературы была одним из источников возникновения античной языковой теории; к тому же, в начале девятнадцатой главы *Поэтики* Аристотель ясно говорит, что ему остается еще сказать о «словесном выражении» (περὶ λέξεως). Уместность рассмотрения в *Поэтике* «частей словесного изложения» подтверждается также замечанием Аристотеля в четвертой главе трактата *Об истолковании* о том, что все виды предложений, за исключением предложения, выражающего логическое суждение, являются предметом исследования ретирики и поэтики.¹ Однако главным аргументом в пользу подлинности двадцатой главы, как это отмечают Байуотэр² и Штейнталь³, является то, что классификация «частей словесного изложения» в *Поэтике* основана на таких критериях, которые были уже недействительными для последующих поколений. Поэтому более поздняя интерполяция ни в коем случае не могла бы облечься в форму двадцатой главы *Поэтики*. К тому же, и терминология главы является вполне аристотелевской.

В отличие от текста *Ретирики*, хорошо сохранившегося, текст *Поэтики*, в частности двадцатой главы, представляет для исследователя большие трудности текстологического и интерпретационного характера. В упомянутой главе это касается, главным образом, раздела о «союзе» (σύνδεσμος) и «члене» (ἄρθρον), а также начального абзаца, где дается перечень «частей словесного изложения». Раздел о «союзе» и «члене» представляется весьма испорченным, и любым соображением интерпретаторов, по всей вероятности, суждено здесь остаться, в лучшем случае, блестящими догадками. Что касается начального абзаца главы, то здесь недоразумение опять-таки порождено наличием в перечне «частей словесного изложения», «члена», названного на шестом месте, между «глаголом» и «падежом», тогда как нормальнее, казалось бы, ему было следовать за «союзом»; предшествуя «имени».

Ряд исследователей и издателей *Поэтики*, в том числе Гартунг, Зюземиль, Ростаны, Скарпат, Гальвалотти, считают упоминание «члена» более поздней интерполяцией; другие же (Шпенгель, Гудеман, Арди) расположены рассматривать место, занимаемое «членом» в перечне «частей словесного изложения», как результат описки, допущенной переписчиком, который, пропустив «член» в перечне, вписал его не на своем месте; в связи с этим упомянутые издатели производят соответствующую перестановку слов в тексте; эта перестановка оправдывается и тем, что далее в тексте главы «член» рассматривается вслед за «союзом»; наконец, Штейнталь высказывает догадку, что у Аристотеля значилось «союз или член» (σύνδεσμος ἢ ἄρθρον)⁴. Однако в этом случае не только возможность описки становится весьма маловероятной, но оказывается вообще невозможным объяснить тот способ, при помощи которого переписчик решил исправить допущенную описку.

¹ *De intrpr.*, 4, 17 a 5.

² Aristotle, *On the art of poetry. A revised text with critical introduction, translation and commentary* by J. Bywater, Oxford, 1909, стр. 261.

³ Н. Steinthal, *Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern*, ed. 2, vol. 1, Berlin, 1890, стр. 265.

⁴ Н. Steinthal, *ук. соч.*, стр. 265; этого же мнения придерживается и Н. Arens, *Sprachwissenschaft*, Freiburg/München, 1955, стр. 12.

IV

В начале двадцатой главы *Поэтики* Аристотель перечисляет элемент (т.к. звук — στοιχεῖον), слог (συλλαβή), союз (σύνδεσμος), имя (ὄνομα), глагол (ῥήμα), член (ἄρθρον), падеж (πτῶσις), предложение (λόγος) в качестве «частей словесного изложения». Однако многие из этих терминов имеют у него значение весьма отличное от того, которое им присуще в современной грамматической терминологии (и даже от их значения в античном языкознании послепериодического периода). Это послужило для многих издателей и исследователей *Поэтики* основанием ограничиться замечанием, что Аристотель в перечне «частей словесного изложения» упоминает три (Ростаньи, Скарпат)¹ или четыре (Шёман, Маккеон)² «части речи», и воздержаться от рассмотрения вопроса о том, что представляет собой этот перечень, каков его характер. А некоторые издатели, например Гудеман³, прямо отрицают системный характер перечня, объявляя его перечислением разнородных элементов, которые не могут быть восприняты в качестве членов единой систематической классификации.

Еще Фален⁴ обратил внимание на то обстоятельство, что перечень «частей словесного изложения» представляет собой перечисление возрастающих по объему фонетических единиц; однако ни он, ни многие другие после него, не использовали этот момент в качестве отправной точки для решения вопроса о характере «частей словесного изложения».

Впервые, насколько, нам известно, М. Поленц, правда лишь мельком, говорит о перечне «частей словесного изложения», как о некоей классификации, отмечая, что в определении «части» учитываются формальные моменты (φωνῆ συνθετή и т.д.), место слова в предложении и, в первую очередь, семантическая фωνῆ σηματική — ἄσημος); грамматическая же точка зрения полностью отсутствует.⁵ Обстоятельному рассмотрению вопрос о характере классификации «частей словесного изложения» в 20-й главе *Поэтики* подвергается в работах Тронского⁶ и Пальяро⁷, причем этому последнему, как видно, не была известна работа его предшественника.

В основу классификации «частей словесного изложения» Аристотель кладет звуковой момент; как отмечает Тронский⁸, в определениях «частей» в качестве родового понятия выступает «звук» (φωνή), а сами «части словесного

¹ *La Poetica di Aristotele con introduzione, commento e appendice di Augusto Rostagni*, Torino, 1927, стр. 78, примечание к началу 20-й главы; G. Scarpat, ук. соч., стр. 43; ср. H. Steinthal, ук. соч., стр. 261 слд.

² G. F. Schoemann, *Die Lehre von den Redetheilen nach den Alten*, Berlin, 1862, стр. 7—8; R. McKeon, *Aristotle's conception of language and the arts of language (Classical Philology)*, t. 41, 1946, стр. 193—206, стр. 199.

³ Aristoteles, *Περὶ ποιητικῆς*, ed. A. Gudeman, Berlin-Leipzig, 1934, стр. 337, примечание к началу 20-й главы.

⁴ I. Vahlen, *Beiträge zu Aristoteles Poetik (Sitzungsberichte der k. Akademie der Wissenschaften, Philol.-hist. Klasse, m. 56, Wien, 1867)*, стр. 220.

⁵ M. Pohlenz, *Die Begründung der abendländischen Sprachlehre durch die Stoa (Nachrichten von der Gesellschaft der Wissensch. zu Göttingen, philol.-hist. Kl. Fachgruppe I, Altertumswissenschaft, 1939, Bd. III, No 6, стр. 151—198)*, стр. 163.

⁶ И. М. Тронский, ук. соч.

⁷ A. Pagliaro, ук. соч.

⁸ И. М. Тронский, ук. соч., стр. 24.

изложения» (μέρη τῆς λέξεως) выступают как звуковые единства, выделенные в потоке речи. В классификации эти единства располагаются в порядке возрастания их объема¹ и характеризуются с точки зрения своей семантической.

О первых двух единицах, « звуке » и « слоге », отмечается, что они лишены самостоятельного значения, но служат составными элементами для единиц большего объема, обладающих, в свою очередь, самостоятельным значением: элемент характеризуется как неделимый звук, из которого может возникнуть доступное разумению звуковое образование ἐξ ἧς πέφυκε συνθετὴ γίγνεσθαι φωνή), а слог — как не имеющий самостоятельного значения звук («незначащий звук» — φωνὴ ἄσημος), состоящий из безгласного и гласного.²

Следующие затем « союз » и « член » также определяют как « незначащие звуки », которые, однако, не препятствуют и не содействуют составлению из нескольких звуков одного значащего звука οὔτε κωλύει οὔτε ποιεῖ μίαν σημαντικὴν ἐκ πλειόνων φωνῶν); т.е. не могут служить составными «незначащими звуками» для образования «значащих звуков»; для различения их от единиц предшествующего разряда возникает необходимость указать на выполняемые ими функции в связной речи (« может составить один, имеющий самостоятельное значение, из нескольких звуков, имеющих самостоятельное значение », « показывает начало, или конец, или разделение предложения »), которые находятся в определенном соотношении с местом, занимаемым « союзом » и « членом » в предложении (в начале, в середине, в конце).³

Таким образом, будучи « незначащими » сами по себе « союз » и « член » приобретают определенную семантическую как составные элементы « предложения »⁴

Следующие « части » классификации — имя и глагол —, хотя и состоят из элементов, лишенных самостоятельного значения, сами таковым обладают, являясь « значащими звуками » (φωνὴ σημαντικὴ); отличаются они, однако, друг от друга не своим основным значением, которое так и остается нераскрытым⁵, а лишь временным соотношением и предикативной функцией, присутствующими второму из них.⁶

Что касается « падежа » имени или глагола, то у Аристотеля это тоже « часть », имеющая самостоятельное значение, находящаяся, однако, в определенном соотношении со значением соответствующих имени и глагола⁷; в понятие падежа включены все « отклоняющиеся » формы имени и глагола: изменения имени по падежам и числам (кроме именительного падежа единственного числа), времена (кроме настоящего времени изъявительного накло-

¹ В перечне « частей словесного изложения » « член », по всей вероятности, должен был следовать за « союзом » и лишь по вине переписчика стоит не на своем месте.

² Более подробное рассмотрение вопросов фонетики у Аристотеля для нашего исследования не представляется необходимым.

³ Следовательно, в разряд « члена » и « союза » могут быть включены слова, которые мы теперь относим к служебным и незначительным частям речи.

⁴ Ср. А. Pagliaro, ук. соч., стр. 7.

⁵ Это обстоятельство не представляется странным, если учесть, что для классификации Аристотеля, как это будет показано в дальнейшем, принципиальное значение имел сам факт семантической, а не ее характер.

⁶ De interpr., 3, 16 в 9—10; ср. И. М. Тронский, ук. соч., стр. 27.

⁷ Ср. А. Pagliaro, ук. соч., стр. 37.

нения) и наклонения глагола, а также вопросительная форма; в отличие от имени и глагола, падеж не может выступать в качестве субъекта или предиката суждения.¹

Наконец, в отличие от предыдущих «частей», имеющих самостоятельное значение, «предложение» (λόγος) определяется как «составной значащий звук» (φωνῆς συνθετῆ σημαντικῆ), отдельные части которого также являются «значащими»; оно представляет собой объединение единиц, имеющих самостоятельное значение и образующих определенное смысловое единство. Определение предложения в *Поэтике* отличается от его определения в трактате *Об истолковании*², где предложение рассматривается как словесное оформление суждения; в *Поэтике* же предложение понимается намного шире: предложением является и определение человека, как обозначение одного предмета, и *Илиада*, как соединение многих; таким образом, определение предложения в трактате *Об истолковании* представляется частным случаем определения, дающегося в *Поэтике*. Если в *Об истолковании* предложением являлось то целое, в которое слагались «значащие звуки», то в *Поэтике* λόγος, наряду с именем, глаголом и падежом, оказывается являясь «частью словесного изложения», чего-то более обширного, хотя и сам он, как мы видели из приведенного примера, по своему объему может быть весьма обширным.

Таким образом, с классификацией, основанной на фонетическом признаке, переплетается классификация, основывающаяся на семантическом критерии; с этой точки зрения мы имеем дело с перечнем, открываемым различными разрядами «незначащих» единиц и завершенным единицей, обладающей самостоятельным значением и образованной из более мелких единиц, также имеющих самостоятельное значение.

Классификация «частей словесного изложения», даваемая Аристотелем, представляется нам в виде фонетико-семантического ряда, определения отдельных элементов которого осложняются синтаксическими и логическими моментами из-за недостаточности семантического критерия³, ряда, в который, по замечанию Тронского⁴, еще не укладывается понятие «слова», потому что согласно принципам, лежащим в основе этой классификации, различные приведенные виды слов оказываются отнесенными к различным семантическим группам (не имеющим самостоятельного значения и имеющим таковое).

Итак, μέρη τῆς λέξεως у Аристотеля это нечто иное, чем μέρη или στοιχεῖα τοῦ λόγου (части речи) позднейшей грамматической теории. У Аристотеля, в частности, λέξις выступает как некая величина, лишенная конечности⁵, объединяющая «части», которым эта конечность присуща, тогда как в позднейшей грамматической теории эта конечность присуща и «частям речи» и объединяющему их целому — λόγος'у.

¹ *De interpr.*, 2, 16 a 32—16 b 5; 3, 16 b 11—17; ср. И. М. Тронский, ук. соч., стр. 28.

² *De interpr.*, 4.

³ Нам представляется неоправданной попытка Пальяро (ук. соч., стр. 7) поставить в один ряд фонетико-семантические и логико-синтаксические моменты, тем более, что сам Аристотель в «Поэтике» старается не выпячивать логический критерий, а к синтаксическому прибегает, по сути дела, лишь при определении союза и члена.

⁴ И. М. Тронский, ук. соч., стр. 25.

⁵ Такому подходу к делению λέξις на составные «части» могла, в какой-то мере, способствовать и манера греческого письма, где между словами не существовало промежутков; ср. А. Pagliaro, стр. 7.

Тронский метко подмечает, что примененный Аристотелем классификационный принцип, состоящий в делении λέξις на фонетические единицы возрастающего объема, имеет за собой длительную традицию, восходящую, по всей вероятности, к Демокриту, опираясь на ритмометрическую теорию, в которой, как это было показано Франком¹, прочно установилось введенное Демокритом трехступенное членение: слог — стопа-различные метры, тон-интервал-различные аккорды, членение для которого ритмики нередко указывают языковую параллель: элемент-слог-имя с глаголом². Однако стройная система атомистов — звук, слог, имя, словосочетание, предложение — в дальнейшем оказалась разрушенной в результате включения в нее новых «частей словесного изложения», выделенных на основе семантических и логических критериев.³ Процесс этот был, по всей вероятности, длительным, и ко времени Аристотеля фонетический и семантический критерий играли в классификации равноважную роль.

Классификация «частей словесного изложения» у Аристотеля исходит, как мы это видели, из внеграмматического подхода к выделению языковых единиц. Поэтому нам представляются необоснованными утверждение Пальяро, что одним из критериев выделения μέρη τῆς λέξεως был критерий лексико-морфологический, т.е., собственно грамматический, и его стремление видеть в Аристотеле «подлинного основателя грамматики».⁴

Этим, однако, ни в коей мере не снижается выдающаяся роль Аристотеля в развитии античной языковой теории; в частности, система «частей словесного изложения» Аристотеля явилась, несомненно, весьма важной предпосылкой для создания последующими поколениями ученых системы «частей речи».

¹ E. Frank, *Plato und die sogenannten Pythagoreer*, Halle, 1923, стр. 167 слл.

² Напр. *Theonis Smyrnaei Expositio rerum mathematicarum ad legendum Platonem utilium* (rec. E. Hiller), Lipsiae, 1878, стр. 49; ср. *Cratyl.*, 424 E—425 A, где излагается атомистическая теория языка, о чем см. статью И. М. Тронского «Из истории античного языкознания», помещенную в сборнике «Советское языкознание», т. 2, Ленинград, 1936 г., стр. 21—38.

³ И. М. Тронский, *Учение о частях речи у Аристотеля*, стр. 25, 28, 34.

⁴ A. Pagliaro, ук. соч., стр. 7 и 28.